

Л. Н. Столович

СТРАНИЦА
ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ
КАНТИАНЫ

В стихотворениях, посвященных Канту, дается различная поэтически-философская интерпретация как личности философа, так и его учения о Боге и человеке. У поэта А. Кушнера выражен адекватный учению Канта теологический агностицизм. В стихотворении «Маска Канта» и афоризмах «Кант без маски» Вл. Микушевича отношение Канта к Богу трактуется с философско-религиозной точки зрения. Такого рода диалог осуществляется на высоком уровне поэтической и философской культуры.

Poems devoted to Kant give different poetical-philosophical interpretations of both the personality of philosopher and his teaching on God and human being. In his poems about Kant, poet Alexander Kushner demonstrates theological agnosticism, which correlates with Kant's own theories. In the poem Kant's Mask and the aphorisms Kant Unmasked, Vl. Mikushevich addresses Kant's attitude to God from the religious-philosophical point of view. Such dialogue at a high level of poetic and philosophical culture enriches these cultures.

Ключевые слова: Кант, Бог, религия, агностицизм, поэзия, афоризм.

Key words: Kant, God, religion, agnosticism, poetry, aphorism.

Философская насыщенность русской поэзии — одна из важных ее особенностей. «Поэзия как жанр русской философии» — так называется антология, составленная И. Н. Сиземской. В этой книге на материале русской поэзии XIX столетия и суждений русских философов о ней убедительно показано, что философская поэзия создает поэтическую философию [23]. Порой сами философы становятся поэтами. Они пишут стихи, воплощая в них те стороны своей человеческой личности, которые не умецаются в прокрустово ложе философских абстракций, но также и для того, чтобы эти абстракции перестали быть только абстракциями. Подтверждением этого является поэтическое творчество русских философов¹. Разумеется, оно было дополнением к философской деятельности не только у них. В этой связи можно вспомнить хотя бы имя Ницше, не говоря уже об многих античных философах.

¹ Одна из попыток собрать стихотворное творчество русских философов — книга [21].

Но в чудесной стране философской поэзии есть таинственный остров, который можно назвать *Поэтической Кантианой*, остров, мало обитаемый, но иногда посещаемый поэтическими «робинзонами». Честь открытия и исследования этого острова принадлежит Леонарду Александровичу Калининникову — автору книги «Иммануил Кант в русской поэзии» [7]. Исследование, начатое этой книгой, продолжено Л. А. Калининниковым в его оригинальной статье «Вопросы поэта А. С. Кушнера к философу И. Канту о проблемах потусторонних» [8].

Обращение к творчеству Александра Кушнера в этой связи чрезвычайно интересно. Это поэт, являющийся, смею сказать, живым классиком. По словам Иосифа Бродского, «Александр Кушнер — один из лучших лирических поэтов XX века, и его имени суждено стоять в ряду имен, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский» [5, с. 5]. А. Кушнер необычным образом сочетает непосредственное жизневосприятие, не избегая, казалось бы, случайных деталей и мелочей быта, с высокой культурой, тящейся в вещах и овеществленной в искусстве и философии. Поэтически осмысляя высокие проблемы миропонимания, он органически включает в свое творчество философию, будь то Кант или Бердяев. Л. А. Калининников достаточно точно определил отношение А. Кушнера к Канту, но я хотел бы дополнить поэтическую кантиану Кушнера также другими текстами. В конце 1980-х им было написано стихотворение, начинающееся таким четверостишием:

Есть два чуда, мой друг:
 Это нравственный стержень и звездное небо, по Канту.
 Среди смертей и разлук
 Мы приносим в стихи неприметно их, как контрабанду,
 Под шумок, подавляя испуг [9, с. 215].

Заканчивалось это стихотворение следующими строками:

Кто построил шатер
 Этот звездный и сердце отчаяньем нам разрывает?
 Ночь — не видит никто наш позор.
 Говорун и позер
 Сам себе ужасается: совесть его умиляет...

 Иглокожая дрожь.
 Нет прощенья и нет пониманья.
 Но расплакавшись, легче уснешь.
 Кто нам жалость внушил, тот и вывездил мрак
мироздания,
 Раззолоченный сплошь.

Поэт сопрягает «нравственный стержень» и «звездное небо», действительно, по Канту. И на вопрос:

Кто построил шатер
 Этот звездный и сердце отчаяньем нам разрывает?
 дает вполне кантовский ответ:

Кто нам жалость внушил, тот и вывездил мрак
мироздания,
 Раззолоченный сплошь.

Но не все так просто. «Критика практического разума» не снимает антиномии «Критики чистого разума».

Уже в новом веке написано стихотворение, мотивы которого звучали и раньше, как это показал Л. А. Калинин:

Верю я в Бога или не верю в бога,
Знает об этом вырицкая дорога,
Знает об этом ночная волна в Крыму,
Был я открыт или был я закрыт ему.

А с прописной я пишу или строчной буквы
Имя его, если бы спохватились вдруг вы,
Вам это важно, Ему это все равно.
Знает звезда, залетающая в окно.

Книга раскрытая знает, журнальный столик.
Не огорчайся, дружок, не грусти, соколик.
Кое-что произошло за пять тысяч лет.
Поизносился вопрос, и поблек ответ.

И вообще это частное дело, точно.
И не стоячей воде, а воде проточной
Душу бы я уподобил: бежит вода,
Нет, — говорит в тени, а на солнце — да! [10, с. 8].

В письме от 24 февраля 2011 г. к автору этой статьи Александр Семенович Кушнер согласился именовать свое отношение к мирозданию и Богу «теологическим агностицизмом»². Некогда страшное слово «агностицизм», закрепившееся за Кантом и Юмом как ошибочное решение «второй стороны основного вопроса философии» (Ф. Энгельс), не пугает современного поэта.

Несколько авторов, пишущих стихи, могут быть определены словами Пушкина о Ленском: «Поклонник Канта и поэт». Правда, среди них не все в полной мере поклонники Канта и являются поэтами с разной степенью поэтического дара.

Вот пара примеров современной поэтической кантианы. Один из них — стихотворение *Алексея Борычева*, поэта, физика и математика по образованию и специальности, кандидата технических наук, «На что потратил время сомневающийся Кант!»

На что потратил время сомневающийся Кант!
Бессмысленность логическое здание развалит.
Меняются со временем значения констант.
Пространство сопрягается с материей — всегда ли?
Колется, как маятник, система аксиом.
Условности мешают перепутать север с югом...
В грядущем — настоящее, грядущее — в былом. —
Никак нам не сойти с эзотерического круга!

² В переписке речь шла о концепции «теологического агностицизма», изложенной в книге [26, с. 125–138]. На с. 135 цитируется вышеприведенное стихотворение «Верю я в Бога или не верю в бога...»

Напился с безысходности усталый Гейзенберг.
Не снятся Нильсу Бору ни законы, ни задачи.
Эйнштейн и относительность давно уже отверг.
Теория пред практикой так мало может значить?! —

Мгновение меняет и законы, и миры,
Но мир того мгновения никак не изменяет.
Какую бы теорию рассудок ни открыл,
Отыщется — которая ее опровергает.

Вселенная рождается, как будто изнутри,
В непонятом биении сердечных колебаний;
И как бы ни стремился кто, и как бы ни хитрил,
Первичное понять ему — напрасное старанье! [2].

Иной характер носит стихотворение поэта-филолога *Василия Пригодича* (Сергея Сергеевича Гречишкина) (1948 — 2009) «Иммануил Кант» (2002).

И в жару, и в сочельник —
Напряжен, нарочит —
Кёнигсбергский отшельник
Всё бумаги строчит.

Перхоть сальных проплешин
Осыпает камзол.
Всё он пишет депеши:
Затрапезен и зол.

Всё печет инвективы
(Да какие — ого!),
Алчет прерогативы
Обкарнать у Того,

Кто бумаг не читает
И не прячет в ларец,
Всех жалеет, всё знает —
Всякой твари Творец.

Протестантскому Богу
(Вот педант — так педант)
Неприятна эклога,
Что спроворил И. Кант.

Тексты сверхаккуратны
И системны, как бред.
Но чернильные пятна
Прожигают паркет.

И гусиные перья,
Очиненные впрок,
Платят в банк лицемерья
Непомерный оброк.

Просвещенья запросы:
Восемнадцатый век...
Всё он пишет доносы
На родных и коллег.

— Заправляешь арапа:
 Все смердишь, да когтишь. —
 Бог не любит нахрапа.
 Бог — смиренная тишь.

Сочинитель-поборник
 Инфернальных забав,
 Кёнигсбергский затворник,
 Ты — не прав. Ты — не прав

В мире столько игрушек
 (Я скажу без затей):
 Женщин, книжек, зверушек
 И хороших людей.

Дивны Божьи законы:
 В небе, в сердце и... здесь...
 Храм. Распятые. Иконы.
 Весть богаче, чем спесь [22].

К Канту обращались также профессиональные философы, пишущие стихи. Уральский социолог и философ *Лев Коган*, посетив город Канта в 1974 г., написал стихотворение «Кант», построенное на контрасте старого Кёнигсберга и нового Калининграда. Вот некоторые фрагменты из него. Обращаясь к Канту, Л. Н. Коган восклицает:

Воскресни! Хоть на час примерно
 И брось вокруг смущенный взгляд:
 Попробуй, вместо Кёнигсберга
 Произнести — «Калининград»!

<...>

И ты поймешь, увидишь сразу,
 Как жалок призрачный покой,
 Как немощен Безличный Разум
 Пред силой времени живой!

Тяжка истории ирония:
 В ее гримасах разберись...
 Сложнейшую из Антиномий
 Всегда придумывает Жизнь!³

Автор этих строк, также впервые посетив Калининград в 1980 г., под впечатлением осознания чудесного сохранения места захоронения Канта в разрушенном войной Кёнигсберге написал стихотворение «Могила Канта», переведенное немецким славистом *Эрнстом Штаффом* на немецкий язык⁴.

Все вышесказанное — затянувшееся предисловие к сообщению об одном из интереснейших явлений в поэтической кантиане, связанном с именем современного поэта, переводчика и религиозного мыслителя *Владимира Борисовича Микушевича*. Боюсь, это имя для многих читателей «Кантов-

³ Это стихотворение Л. Н. Когана опубликовано в книге [25, с. 210–211].

⁴ См. издание [25, с. 187–188]. Текст стихотворения на немецком языке впервые опубликован в книге [28, S. 97]. Стихотворение «Могила Канта» на языке оригинала и в немецком переводе было опубликовано в издании [11, с. 165–166].

ского сборника» малознакомо или вообще не знакомо. Он не принадлежит к числу «раскрученных» поэтов, хотя как переводчика стихотворных текстов с немецкого, английского, французского, итальянского языков его репутация чрезвычайно высока. По собственным словам В. Микушевича,

И не участвовал я в повседневном торге,
Свой голос для других в безвременье храня;
Кретъен, Петрарка, Свифт, Бодлер, Верлен, Георге,
Новалис, Гёльдерлин прошли через меня.

В готических страстях и в ясности романской,
В смиренье рыцарском, в дерзанье малых сих
Всемирные крыла культуры христианской —
Призвание мое, мой крест, мой русский стих [12, с. 104].

В справочно-биографическом издании «Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды» [24, с. 387] отмечается, что для В. Микушевича художественный перевод имеет широкое философское значение:

Микушевич Владимир Борисович (р. 05.06.1936) — поэт, переводчик, философ, религ. направления. Род. в Москве. В 1960 окончил 1-й Моск. гос. ин-т иностр. языков (ныне Лингвистич. ун-т). Лектор Моск. инж.-физ. ин-та, Моск. архитектурного ин-та, ст. преп. Лит. ин-та им. М. Горького. Член Независимой академии эстетики и свободных искусств. В своих трудах по теории перевода исходит из онтол. понимания языка как означающего бытие и являющегося бытием. Художеств. перевод трактуется М. как парадигма творч. вообще. Творение, осмысляемое как непрерывный переход от небытия к бытию, рассматривается М. в качестве единственной реальности. М. обосновывает филос. метод креациологии, по к-рому творч. и осмысление творч. осуществляется в своей синхронности в свете христ. учения о времени и вечности. Осн. филос. труд, написанный в форме афористического эссе, — «Проблески» — опубликован частично.

Соч.: Поэтический мотив и контекст // Вопросы теории художественного перевода. М., 1971; Народ — это каждый // Век XX и мир. 1989. №9; Проблески. (Фрагменты) // Петрополь. (Альманах). №1. Л., 1990; Ад идеала // Юность. 1992. №1; Время Христово // Новая юность. 1993. №3; Ирония Фридриха Ницше // Логос. 1993. №4; Раба Господня // Литературная учеба. 1993. №4; Семь дней творения // Христианас. П. Рига, 1993; Пол и символ. Православное почитание Софии // Урания. 1993. №1; Проблески. (Фрагменты) // Родина. 1994. №4.

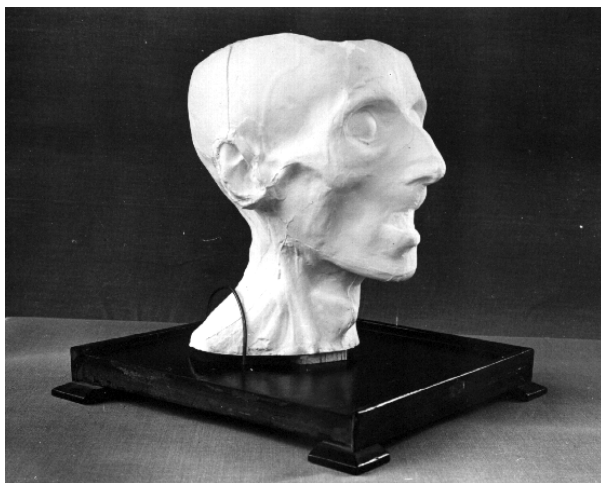
Эта биографическая заметка написана мною еще в прошлом веке. Творческая деятельность В.Б. Микушевича в области художественного перевода, поэзии, философии успешно продолжается и в веке нынешнем. В поисковой системе «Гугл» (Google) на его имя и фамилию на 10 ноября 2011 г. имеется 15 400 ссылок. Помимо замечательных переводов из Петрарки, Шекспира, Кретъена де Труа, Вийона, Петрарки, Дж. Свифта, Новалиса, Эйхендорфа, Гофмана, Гёльдерлина, Рембо, Рильке, Н. Закс, Г. Бенна, Э. Юнгера, Григора Нарекаци и других авторов (В. Микушевич — лауреат премии принца Ангальтского, герцога Саксонского за распространение немецкой культуры в России) он автор романа «Воскресение в Третьем Риме» (2005), произведения не только философского, но такого, основным героем которого стала русская философия в лице Платона Чудотворцева. В 2003 г. вышла книга стихотворений В. Микушевича «Бусенец».

Среди философских трудов В. Микушевича книги «Власть и право» [14], собрание афоризмов «Проблески», «Пазори» (в двух книгах) [17], ста-

тья «Три эпохи в истории культуры» [16] и др. В контексте этой статьи не могу не отметить вклад В. Микушевича в исследование поэтической кантианы – его эссе «“Бог Нахтигаль” (Эстетика Канта и Шиллера в стихотворении Осипа Мандельштама “К немецкой речи”» [18].

Излюбленная форма философского мышления В. Микушевича – афоризм. Мне представляется, что его философский метод, точнее сказать методика философствования, близок тому, о чем писал замечательный филолог и философ с трагической судьбой *Яков Голосовкер*: «Не доверять одной логической аргументации. Проверять ее тут же аргументацией психологической: т.е. проверять логику психологией. Сперва давать сгустки мыслей: как тезисы, как афоризмы, как постулаты. Затем раскрывать их, излагая логически упорядоченно» [4, с. 195]. В. Микушевич свою книгу афоризмов «Проблески» называет «квантовой философией» – «философией отдельных энергетических излучений».

Но наряду с афоризмом и даже одновременно с ним у В. Микушевича есть еще одна форма проверки философской логики психологией. Это его стихотворения, также насыщенные афористическими формулировками, но в целом представляющие собой поэтические «кванты» философского мышления. Таких «квант» в его поэзии много, но хочу обратиться к одному из них, несомненно, входящему в поэтическую кантиану, – стихотворению «Маска Канта» (1989), своим созданием обязанному посмертной маске великого философа, ныне хранящейся в старинном здании Научной библиотеки Тартуского университета⁵.

Маска Канта

Посмертная маска Канта –
 Вызов или призыв
 Для гения и педанта,
 Чье отечество – взрыв,
 Который нам тем знакомей,
 Что соловьиным сном
 В логове антиномий
 Спал дальнзоркий гном;

⁵ Об обнаружении посмертной маски Канта в Тарту см. статью [27, с. 98–99].

Он часто спрашивал Бога,
Что это значит «вещь»,
А Бог отвечал строго:
«Если ты сам не вещь,
Зачем тебе остальное,
Если где тьма, там свет,
И все для тебя двойное,
Если не да, то нет,
А разницы между ними
Не уловить умом;
Разница между ними
Только в тебе самом».
Но гном возразил: «К предмету
Примешано столько лжи,
Что ты мне при смерти эту
Разницу покажи!»
И началась агония,
А это, по существу,
Оказывается, ирония
Над бывшим сном наяву,
Когда казалось, что плазма —
Соблазн, а не западня,
Но жизнь, саркома сарказма,
Усиливается, дразня
Чаяньем или чтивом,
Но даже этот мираж
Заканчивается взрывом,
И разум, неверный страж,
Оставил бы нас в покое,
Чтобы осталось одно,
Но если есть и другое,
Оставшееся смешно;
И пусть исчезают лица,
И пусть является блеск,
Оставшееся двоится
Лицо, всемирный гротеск,
И «да» это «нет» в итоге,
И, зоркий, в мире ином,
Себя узнавая в Боге,
Беззвучно смеется гном.

В этом стихотворении⁶ сделана попытка разгадать странное явление: лицо мертвого Канта, запечатленное на его посмертной маске, кажется застыло в саркастической улыбке. Оно чем-то напоминает знаменитый портрет Вольтера, выполненный Гудоном. И наверное, неслучайно И. М. Муравьев-Апостол, посетивший Канта в 1779 г., писал, что он похож на Вольтера, изображенного Гудоном с иронической улыбкой [20] (речь идет о статуе «Вольтер, сидящий в кресле», созданной скульптором Жаном Антуаном Гудоном в 1781 г. по заказу Екатерины Второй и находящейся в Эрмитаже). Поэт для разрешения этой загадки обращается к философии Канта, в которой значительное место занимает «диалог» с Богом. По учению кё-

⁶ Стихотворение В. Микушевича «Маска Канта» было впервые опубликовано в газете «Вперед» (г. Тарту) 24 января 1991 г., а затем воспроизводилось в ряде изданий. См. публикацию [13].

нигсбергского мудреца теоретический разум не в состоянии доказать существование Бога. При попытке такого доказательства он натывается на антиномии, т.е. взаимопротивоположные, равно логически доказуемые суждения. Понятие Бога оказалось, таким образом, в «логове антиномий», в котором очутился и сам философ, спавший там «соловьиным сном», т.е. чутко.

Говоря об отношении Канта к Богу, Генрих Гейне писал с присущим ему остроумием, что философ поступил столь же мудро, как его приятель. Этот приятель разбил все фонари на одной из улиц в Гёттингене «и, стоя в темноте, держал перед нами длинную речь о практической необходимости фонарей, каковые он разбил лишь с той теоретической целью, чтобы доказать нам, что мы без них ничего видеть не можем» [3, с. 284]. По словам Гейне, Кант ведет не дискуссию о существовании Бога, а размышляет о его природе, и «такое размышление есть истинное богослужение, отрешающее нашу душу от преходящего и конечного и приводящее ее к сознанию первичной благодати и предвечной гармонии» [3, с. 281–282]. В. Микушевич, как мне представляется, развивает эту традицию в понимании философии Канта. При этом Бог не противостоит Человеку. Через Бога Человек узнает о своей самоценности и значимости в мире («Если ты сам не вещь, / Зачем тебе остальное...»), о том, что он средоточие всех противоположностей («Разница между ними / Только в тебе самом»), противоположностей, развертывающихся и в самом процессе смерти, подводящей итог жизни. Человек узнает себя в Боге. Поэтому посмертная маска Канта являет лицо как «всемирный гротеск» — последний след жизни, которая — «саркома сарказма». Маска философа запечатлела беззвучный смех узнавания им себя в Боге. Но столь же вероятно, исходя из двойственности учения Канта, что он в Боге узнает себя. Такова поэтическая гипотеза образа маски Канта.

Называя Канта «гномом», В. Микушевич идет от образа философа, созданного Александром Блоком:

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое темное окошко... [1, с. 294]

Но, в сущности, современный поэт вступает в полемику со своим великим предшественником. Кант Блока — воплощение страха перед временем и пространством. Поэтому он боится потревожить себя, свое забытье, свой «сладкий сон». Из мифологических представлений о гномах Блок заимствует только их маленький рост. В стихотворении же «Маска Канта» «дальнозоркий гном» спит «соловьиным сном», следовательно, не боится пробуждения, а всегда готов к нему. Но вообще, по трактовке В. Микушевичем мифологических представлений о гномах, гном — это дух земли, в отличие от духа воздуха — силфа и духа огня — саламандры, но зато он ведает драгоценными металлами. И пусть человек выглядит как малый гном, он — подобие великого Бога. Вот о чем, как мне кажется, поведала поэту-философу посмертная маска «гения и педанта».

«Маска Канта» впервые была напечатана в тартуской малотиражной газете «Вперед» 24 января 1991 г. Автор этих строк прочитал его на секции «Образы смерти в истории культуры» XIX Всемирного философского кон-

гресса (Москва, август 1993 г.). И надо было видеть, как десятки философов просили «писать слова» и старательно переписывали поразившее их стихотворение В. Микушевича. А вышедший в Санкт-Петербурге 3-й выпуск философского альманаха «Фигуры Танатоса» с публикацией материалов международной конференции «Тема смерти в духовном опыте человечества» (ноябрь 1993 г.) начинался стихотворением «Маска Канта», открывавшим раздел «Метафизика смерти».

Посещение В. Микушевичем таинственного острова поэтической кантианы представляет большой интерес, помимо художественного, еще и потому, что он религиозный мыслитель православной ориентации. Отношение к Канту в России было сложным. Он не был «властителем дум», как Шеллинг и Гегель. От него часто отталкивались. Однако это *отталкивание* было не просто отвержением, а точкой опоры для прыжка собственной мысли. Можно было быть против Канта, но нельзя без Канта, без достигнутого им уровня культуры философского мышления⁷.

В советские времена Канта тоже не жаловали, хотя и включали его в «немецкую классическую философию», которой, по известной формулировке Энгельса, с марксизмом наступил конец. «Агностик» Кант подвергался беспощадной «критике слева» (тоже по известной формулировке) не без вульгаризации его учения о «вещи в себе». И только в период «оттепели» потепление, отнюдь не глобальное, коснулось и Канта, которого начали издавать и серьезно изучать. Симпатия к кёнигсбергскому мудрецу проявилась и в поэтической кантиане, в которой поэты чудо звездного неба и «нравственный закон в нас» проносили в стихи неприметно, «как контрбанду, / Под шумок, подавляя испуг» (А. Кушнер).

Позже, уже «после исторического материализма», возникала и церковная оппозиция Канту. Мы уже цитировали строки:

Кёнигсбергский затворник,
Ты — не прав. Ты — не прав
<...>

Дивны Божьи законы:
В небе, в сердце и... здесь...
Храм. Распятые. Иконы.
Весть богаче, чем спесь.

Василий Пригодич

У В. Микушевича оппозиция к Канту философски-религиозная. Он поэтически реконструирует его диалог с Богом, заканчивающийся смертью философа, узнающего себя в Боге или же Бога в себе. Притом «оппозиционность» поэта к Канту не явная, его критика «критической философии» имманентная, не через противостояние. Это своеобразное вживание в его логику и антиномичную метафизику. Воззрения самого поэта здесь не афишируются.

Но каковы они? Я попросил В. Микушевича их сформулировать, и он, опираясь на свои афористические размышления, создал текст, названный им в противоположность наименованию стихотворения «Маска Канта».

⁷ Сложное пребывание Канта в России хорошо обрисовано в книге Л. А. Калининкова «Кант в русской философской культуре» [6].

Кант без маски

1.

Мировоззрение основывается на выборе тезиса или антитезиса в антиномиях Канта; такой выбор принципиально вненаучен, и потому мировоззрение не может быть научным.

2.

Догматической системности Фихте и Гегеля противостоит внесистемное философствование Канта и Шеллинга. Кант преодолевает системность своим анализом, Шеллинг преодолевает ее своими интуициями.

3.

«Научное мировоззрение» — противоречие в терминах. Мировоззрение начинается там, где кончается наука. Мировоззрение основывается на предпочтении одной из кантовских антиномий, каждая из которых недоказуема, то есть одинаково верна с научной точки зрения.

4.

В антиномиях Канта великая ирония бытия.

5.

Согласно Канту, *Ding an sich* есть непознаваемое, так как существует; если бы *Ding an sich* было проявлением или конструкцией сознания, оно не могло бы быть непознаваемым.

6.

Категорический императив Канта был опровергнут смутным порывом гётевского Фауста, но категорический императив был объявлен сознанием, а смутный порыв — подсознанием, чтобы то и другое сошло на нет в заунывном, выхолащивающем противопоставлении.

7.

Если кантовское «*Ding an sich*» — монада, по Лейбницу, или субстанциальный деятель, один субстанциальный деятель может судить о другом субстанциальном деятеле по себе, даже ничего о нем не зная, даже если он непостижим ни с какой другой точки зрения.

8.

Поскольку мы, по Канту, ничего не знаем о вещи как таковой и при этом знаем, что есть мышление (иначе некому и не о чем было бы говорить), мы вправе и даже вынуждены полагать: вещь в себе мыслит.

9.

Только вещь как таковая (вещь в себе) имела бы настоящие основания сказать: *cogito ergo sum*.

10.

«Это чтобы стих-с, то это существеннейший вздор-с», — говорит Смердяков, которого цитирует Иван Карамазов: «Да ведь это же вздор, Алеша, ведь это только бестолковая поэма бестолкового студента, который никогда двух стихов не написал». Поэма о Великом инквизиторе внушена Ивану Карамазову Смердяковым.

11.

Канта восхищало звездное небо над ним и нравственный закон в нем, а русский школьник возвратит карту звездного неба исправленной; русский лакей обращается ко Христу: «Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете... И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: "Тайна"». Так лакей-идеолог представляет себе Грааль. «Нет, я никогда не был таким лакеем», — восклицает Иван Карамазов, и, действительно, это он только отчасти, как Рене Генон и Юлиус Эвола; («Эволюция марксизма»); традиция прослеживается отчетливо: русский школьник (студент), русский лакей, Великий инквизитор, Иуда, тоже по-своему исправлявший Христа, и, наконец, страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия... с длинным гладким хвостом, как у датской собаки.

12.

Если закон по Канту — нечто формально человеческое, не обоснованное никаким высшим благом, или Эдипов закон досократиков, тогда и категорический императив — слишком человеческое, выкальывающее человеку глаза перед тем, как его уничтожить.

13.

Канту чуждо чаянье Софии, а именно чаянье Софии Пифагор называл философией. Стихия Канта — критика несуществующего, уничтожающая разницу между несуществующим и существующим.

14.

Даже не зная друг друга, Александр Поуп и Иммануил Кант не были бы друг другом друг без друга: чистый разум недоступен критике без «Опыта о человеке».

15.

Кант — идеолог свифтовской Лапуты.

16.

Органичность чужда Канту, ибо вещь как таковая вне восприятия и потому лишена органичности, а может ли органичность обладать притягательной силой органичности, если о ней известно, что она всего лишь феномен?

17.

Кантовское «Ding an sich» не относится к вещам, о которых говорил Анаксимандр, ибо о нем нельзя сказать, что оно возвратится туда, откуда оно произошло, поскольку о нем нельзя сказать ничего.

18.

Кант без маски — Кант в поисках Бога; маска Канта — Кант, при смерти нашедший Бога... или самого себя (быть может) [19].

По формулировке В. Микушевича, «афоризм — это краткое изречение, мудрость которого не нуждается в доводах» [15, с. 179]. В этом ключе не каждый из 18 тезисов «Канта без маски» может быть определен как самоочевидная мудрость афоризма. Утверждать, что у Канта «внесистемное философствование» (2) можно, лишь игнорируя самоочевидное в профессиональной философии понимание «системного философствования». Я не отрицаю права В. Микушевича на свою трактовку «системного философствования», но его мудрость «нуждается в доводах».

Под афоризмом также можно понимать *лаконичное изречение своеобразно выраженной мысли*. В этом смысле афоризм — жанр литературного творчества и философского мышления, который проявляется как в собственно художественной литературе, так и в философии. Жанр афоризма перетекает из литературно-художественной сферы в философскую и обратно, в определенной мере воплощая их единство. Можно даже сказать, что афоризм — искра, возникающая от соединения философии и художественной литературы. В этом плане кантовские тезисы В. Микушевича можно рассматривать как афоризмы. В них присутствует в определенной мере интуитивная прозорливость, новизна и оригинальность мысли, ее остроумие и парадоксальность. Им присущ лаконизм, точность и отточенность выражения, внутренняя завершенность и самодостаточность, а порой и образность, как, например, в афоризме: «В антиномиях Канта великая ирония бытия» (4).

В. Микушевич убедительно, на мой взгляд, показал, что в поэтическую кантиану могут быть включены и афоризмы, посвященные Канту. Поэзия и стихотворчество — не одно и то же. Назвал же Гоголь «Мертвые души» поэмой, и там есть немало поэтического. Существуют и стихи в прозе.

С другой стороны, не редкость и стихотворный афоризм, афоризм в форме стихотворных строк. И в поэтическую кантиану входит немало стихов-афоризмов:

Сложнейшую из Антиномий
Всегда придумывает Жизнь!
Лев Коган

Есть два чуда, мой друг:
Это нравственный стержень и звездное небо, по Канту.
А. Кушнер

Какую бы теорию рассудок ни открыл,
Отгыщется – которая ее опровергает.
А. Борычев

Сознание не создает пространство,
Но лишь оно одно его хранит.
<...>
Мир познаваем, но не узнаваем.
Л. Столович

У В. Микушевича:

Он часто спрашивал Бога,
Что это значит «вещь»,
А Бог отвечивал строго:
«Если ты сам не вещь,
Зачем тебе остальное...»

И в заключение совсем немаловажный вопрос: как оценивать явления поэтической кантианы? Коль скоро речь идет о художественных произведениях, то их эстетическо-художественные качества имеют первостепенное значение: ведь это *стихотворения* или *афоризмы* о Канте! Кантовское же философское наследие трактуется отнюдь не однозначно, в поэзии в том числе. И это, на мой взгляд, вполне правомерно. Меня, теологического агностика, близкого в определенной мере к кантовскому пониманию Бога, не отталкивает, а, напротив, живо интересует и волнует осмысление Канта таким религиозным мыслителем, как В. Микушевич. Спорить, разумеется, возможно и необходимо, однако лишь на определенном уровне философской и поэтической культуры, да и культуры вообще. Диалог на этом уровне исключает нетерпимость.

Список литературы

1. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1.
2. Борычев А. На что потратил время сомневающийся Кант! URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=87902> (дата обращения: 03.11.2011).
3. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Гейне Г. Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 4.
4. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987.
5. Иосиф Бродский об Александре Кушнере // Кушнер А. Времена не выбирают... СПб., 2007.
6. Калинин Л. А. Кант в русской философской культуре. Калининград, 2005.

7. Калинин Л. А. Иммануил Кант в русской поэзии. Философско-эстетические этюды. М., 2008.
8. Калинин Л. А. Вопросы поэта А. С. Кушнера к философу И. Канту о проблемах потусторонних // Кантовский сборник: научный журнал. 2010. 3 (33). С. 33–51.
9. Кушнер А. Стихотворения. Четъре десятилетия. М., 2000.
10. Кушнер А. Летучая гряда. Новая книга стихов. СПб., 2000.
11. Леонид Наумович Столович // Кантовский сборник. 2009. 2 (30). С. 165–166.
12. Микушевич В. Памятник // Крестница зари. Стихотворения и поэма. М., 1989. URL: <http://www.rvb.ru/nr/publication/01text/20/08mikushevich.htm> (дата обращения: 05.11.2011).
13. Микушевич В. Маска Канта. URL: <http://www.stihi.ru/2011/05/10/7761> (дата обращения: 05.11.2011).
14. Микушевич В. Власть и право. Соблазн и угрозы тоталитарной демократии. Таллин, 1998.
15. Микушевич В. Проблески. Таллин, 1997.
16. Микушевич В. Три эпохи в истории культуры // Теоремы культуры. Академические тетради. 2003. № 9. С. 21–54.
17. Микушевич В. Пазори. Таллин, 2007.
18. Микушевич В. «Бог Нахтигаль» (Эстетика Канта и Шиллера в стихотворении Осипа Манделъштама «К немецкой речи») // Записки Манделъштамовского общества: сб. М., 2011. Т. 19. Вып. 5/2.
19. Микушевич В. Кант без маски. URL: <http://www.stihi.ru/2011/10/26/9192> (дата обращения: 09.11.2011).
20. Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб., 2002. Письмо тринадцатое. URL: http://az.lib.ru/m/murawxewapostol_i_m/text_0020.shtml (дата обращения: 05.11.2011).
21. Поэзия русских философов XX века: антология / сост. М. Сергеев, Л. Столович; вступ. ст. Л. Столовича. Boston, 2011.
22. Пригодич В. Иммануил Кант. URL: <http://v3616.vps.masterhost.ru/article.php?sid=9425> (дата обращения: 03.11.2011).
23. Сиземская И. Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Поэзия как жанр русской философии: антология / сост. и авт. вввод. ст. И. Н. Сиземская. М., 2007.
24. Столович Л. Н. Микушевич Владимир Борисович // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 2-е изд. М., 1995. URL: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=87864 (дата обращения: 04.11.2011).
25. Столович Л. Стихи и жизнь. Опыт поэтической автобиографии. Таллин, 2003.
26. Столович Л. Плюрализм в философии и философия плюрализма. Таллин, 2005.
27. Столович Л. Н. О судьбе тартуской кантианы // Кантовский сборник: научный журнал. 2008. 1 (27). С. 94–108.
28. Kant in Königsberg seit 1945. Eine Dokumentation bearbeitet von R. Malter und E. Staffa. Wiesbaden, 1983. S. 97.

Об авторе

Столович Леонид Наумович – д-р филос. наук, почетный проф. Тартуского университета (Эстония), stol@ut.ee

About the Author

Prof. Leonid Stolovich, Professor Emeritus of Tartu University (Estonia), stol@ut.ee